

Восточное обозрение

1890, 16 сентября № 37

Вдоль да по Сибири

(Фельетонъ).

но, давно забылъ меня, читатель, а я все думаю о тебе! Встаю, что на наш Востокъ, въ Сибирь, отправился

теперь цѣлый рядъ путешественниковъ. Читаю письма г. Антона Чехова въ «Новомъ Времени», слѣжу за письмами профессора Исаева, узнаю, что въ Сибирь собираются какіе-то иностранцы, а за ними велосипедисты. Что-то они найдутъ, какъ то опишутъ Сибирь? спрашиваю я себя съ безпокойствомъ. Не въ первый разъ нападаетъ на меня это чувство скорби и тревожнаго ожиданія. Въ свое время я слѣдилъ за письмами Глѣба Успенскаго, путешествовавшего въ Сибирь, и съ немалымъ трепетомъ читаю и стараюсь проникнуть въ самую суть очерковъ г. Астырева, дающаго отчетъ о видѣнномъ въ Сибири. Что-то они скажутъ? Вѣдь это будетъ судъ надъ моею родиною, надъ моими соотечественниками. Проѣздъ путешественника по Сибири—это родъ экзамена, родъ генеральнаго смотра.

«Вы что-то ужъ больно расхвалились своею Сибирью, а нуте-ка, покажитесь!»—Хотя я и не хвастался, но долженъ отвѣчать за то, что кто-то другой хвастался. Затѣмъ, въ постановкѣ вопроса я ощущаю и самое рѣшеніе. Какъ часто ученикъ по одному взгляду экзаменатора чувствуетъ рѣшеніе своей судьбы, такъ и я вижу все въ первомъ взглядѣ, въ первомъ вопросѣ.—«Сибирь обыкновенно восхваляютъ, особенно сибиряки, не чающіе душъ въ своей родинѣ»... начинается путешественникъ весьма безпечно свое письмо. Но если даже путешественникъ и не явится съ предубѣжденіемъ, съ желаніемъ «сбить съѣсъ» съ сибиряковъ, я все-таки предвижу, что онъ можетъ натолкнуться на такія явленія въ мѣстной жизни, можетъ заглянуть въ такіе углы и трещины, которые обнаружатъ самыя непривлекательныя стороны нашей жизни и выкажутъ такіе «пейзажики», что только ахнешь. Мы къ нимъ привыкли, какъ привыкли къ толчкамъ и ухабамъ мѣстной дороги, къ встрѣчѣ съ «неспокойнымъ» засѣдателемъ на станціяхъ, привыкли и... молчимъ. А проѣзжій человекъ что подумаетъ. Страшно!

Читаю я, наиримѣръ, письма г. Антона Чехова;—не знаю, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Одни говорятъ—на золотые промысла Восточной Сибири, другіе увѣряютъ—на Сахалинъ. Вѣдь выберутъ-же, думаю, мѣстечко. Ну ѣхали-бы въ какое-нибудь «благовоспитанное мѣсто»*), въ какой-нибудь губернской городъ нашихъ провинцій, гдѣ есть порядочный отель на европейскій манеръ, съ хорошимъ номеромъ, съ метръ-дотелемъ, съ пожарскими котлетами**). Пріѣхали—полный покой-бы!—Что прикажете, чайку или кофейку? или чего?—Затѣмъ осмотръ города: господинъ полицій-мѣстеръ, мы проѣзжіе, обяжите,—покажите намъ городъ?—Съ удовольствіемъ, садитесь въ пролетку, валия въ пожарную команду: «тревогу!»—или въ острогъ. Въ коридорахъ чистота, двери отворены, арестанты во фронтъ: «Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе». Вотъ номеръ, запертый на пятифунтовый замокъ. «За убійство съ—двѣнадцать душъ загубилъ, звѣрь!! Полюбопытствуйте, какая рожа!»—Желательно на кухню—входите: ароматъ! Дежурные чистехоньки. Смотритель улыбается, какъ дитя ангелоподобное. Вечеромъ путешественники на гуляньѣ.—«Садикъ» миленькій, музыка изъ «Корневильскихъ» и изъ «Елены» (увѣрю васъ есть). «Mademoiselle, налейте господину путешественнику бокалъ!—это у насъ съ благотворительною цѣлью-съ!» Все чинно и благородно. А то на Сахалинъ—Богъ знаетъ, на что тамъ натолкнешься. А то еще на витимскихъ пріискахъ—тайга, дичь, люди по колѣно въ водѣ, цыганъ, кайлы, тачки. Ну что тамъ пріятнаго?!

Но что встрѣтитъ и можетъ встрѣтить путешественникъ еще по дорогѣ, въ какой онъ сезонъ выѣдетъ, на что натолкнется, —вѣдь это случайность! въ какомъ расположеніи, наконецъ, онъ будетъ—отъ этого все зависитъ. Я помню, ѣхалъ одинъ исправникъ на службу къ намъ, такъ въ передній путь отъ дорогъ и разстояній въ ярость приходилъ и «сокрушалъ», а прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Заморѣ, женился на вдовѣ смотрителя какого-то склада, такъ въ какомъ ангельскомъ расположеніи духа выѣхалъ назадъ изъ Сибири. Вѣкъ, говорить, не забуду! Такая гостеприимная, такая пріятная страна! Вотъ оно что!

Вздумалось и Антону Чехову ѣхать въ маѣ, т. е. въ самую распутицу. Доѣхалъ до Тюмени,—нѣтъ навиганціи. Рѣки—это первый

*) Добродушный сибирякъ не знакомъ, вѣроятно, съ новѣйшей терминологіей, установившейся въ самое послѣднее время. Подъ «благовоспитанными» мѣстами у насъ разумѣютъ «Выжовъ мысъ» на крайнемъ сѣверѣ, на рѣкѣ Янѣ, куда сгоняютъ самѣхъ отчаянныхъ каторжниковъ и позволяютъ имъ здѣсь умирать голодною смертію.

Прим. наборщ.

**) Такія котлеты славятся въ Тверской губерніи и въ Москвѣ. Въ Торжкѣ увѣряютъ, что будто Пушкинъ очень любилъ эти котлеты.

привз. Разгрячился, поѣхалъ на дружкахъ черезъ Барабу въ кт., а что такое Бараба весною въ распутицу—кто не знаетъ: *пани*, да перевозки чего стоятъ! На одной-то станціи можно разъ утонуть, три раза сломать шею, переломать ребра. Такъ шло. Дождь не идетъ, а «пакаетъ» и «льетъ», дорогу развело, а желтыя рѣки выходятъ изъ береговъ. Еще-бы Ермаку не ть! «Дождь барабанить, какъ по крышкѣ гроба!» Уныло, кругомъ. На берегу приходится дожидаться паромъ.—Па-а-а!—Чорта дождешься его! Подождешь.. Въ какой-то глухой гдѣ сидитъ проѣзжающій и клянеть свою жизнь. Надо ночевать. ужасные клопы, которые невредимы только для тѣла зако- сибирскаго обывателя, уже подбираются къ путешествен-). Долгая бессонная ночь въ душею избѣ, а тутъ еще каког- авателя дернуло съ его откровенной исповѣдью отъ бездѣлья.— сударь, хоть ста дубинами пробирай—не проберешь! Не такіе ди! У насъ, думаете, какое чувство есть, али образованность... юди! каково признаніе, сгубилъ онъ насъ! восклицаю я, чув- что все это будетъ занесено въ лѣтописи. И дернуло одурѣ- еловѣка исповѣдываться съ похмѣлья. Вѣдь слова его будутъ ы за правду.

отъ другой обыватель на станціи всталъ, открылъ буркалы, ся, не обращая вниманія на клоповъ, и усѣлся за чай.—Я какъ у насъ чай пьютъ: рожа красная, глаза тупо скошены дце, и ничего не интересуется въ то время, какъ только дно ннаго блюда и горячая мутная жидкость («вода-то въ озе- насъ не особенно чтобы *тово*»). Лицо сосредоточено, щеки точно дѣло дѣлаетъ, важность въ осанкѣ, ноги разставлены. жешь объ этомъ человѣкѣ? Нѣтъ ему дѣла ни до чего, онъ и доволенъ, никакіе вопросы его не трогаютъ и ни на просы онъ не отвѣчаетъ. Сколько разъ добродушному, ожи- сибиряку доставалось за это питье чая. Сколько разъ онъ ялся съ труженникомъ переселенцемъ, съ несчастнымъ кре- имъ внутреннихъ губерній. И хоть бы слово промовилъ этотъ то бить чаешейца. Вспоминаю я у Щедрина поручика Жив- , который говоритъ про какого-то ракалію обывателя: «Ну чай, какъ слѣдуетъ,—а то нѣтъ! Знаете—тянетъ!» Ну, и не утерпѣлъ... И этотъ, пьющій чай, обыватель не по- ть, что онъ дѣлаетъ. Я вижу, какъ записная книжка уже Погубилъ! О, чтобы тебѣ обвариться, предатель обыватель! въ я самъ по дорогамъ въ распутицу: и дождь мочилъ, и помалось, но трубицу въ грязи сиживалъ, по шести дней іяхъ дождался—ждали, енаралъ побѣжить! На перевозахъ му» въ воду кидало, межъ льдинъ плавалъ, сколько разъ ажа выкидывало, въ тайгѣ блуталъ, ѣлъ чемоданы, былъ буранами, въ сугробахъ ночевывалъ,—все это перетер- записывать не думать. Развѣ въ жалобную книгу на да и то отъ скуки, зная, что ничего изъ этихъ жалоб- ить не будетъ. Теперь только припоминаю,—въ 1848 году прійски, вывалило, ямщикъ убили, двѣ пристяжныхъ ноги, налетѣли на скаку на ель; въ 1852 году ѣхалъ къ рному заводу, вывалило, сломалъ ключицу; въ 1861 году комъ трактъ провалились въ яръ, чуть не погибли; въ у слетѣлъ съ вершины Хамарь-Дабана и чуть не утонулъ ѣ. Боже мой! да развѣ сочтешь!

а-бы г. Чеховъ зналъ все!

обѣдка къ Иркутску зимою чего стоитъ. Припоминаю не- льдомъ Ангару. За нѣсколько станцій интересуешься, есть- ли? Стала-ли? Пуцаетъ-ли? Никто не знаетъ. Ѣдемъ на а послѣдней станціи узнаемъ: «не стала еще, но прибы- Сначала не поняли, но намъ растолковали, что въ рука- ливалъ вода прибываетъ и можетъ преградить путь, од- гились,—авось, дастъ Богъ, пронесетъ! Летимъ по зимней окозо дороги точно полыни. Трахъ! на всемъ скаку въ ебли воды въ сани, глубина на аршинъ, но ничего! успѣ-

Чеховъ полагаетъ, вероятно, что описанія путешествій въ томъ онъ дѣлаетъ, представляютъ что-либо новое,—«нововременцы», но гоняются за всякими новинками, безъ идей и тенденцій. Увы! цѣлкомъ заимствована изъ «Voyages en Calabrie» Александра то только рванцею, что итальянскіе москиты замѣнены сибир- ми. Обращаетъ на это обстоятельство просвѣщенное вниманіе г. который постоянно плачется, что современные писатели, учив- нитывавшіеся не при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ, не знакомы европейскими литературами.

Полностью перепеч. с кн.: А. П. Рогов, Изъ Сибиря. Иркутск, 1946, Прил. 1, с. 117-121

вай! Ямщикъ мчитъ, а вода прибываетъ. Еще разъ трахъ! окуну- лись. Пропали, думалъ. Вывезла! Такъ до самой Ангары. Ощущеніе княжны Таракановой пли, еще лучше, того мужика, котораго пой- мали немирные киргизы, да на веревкѣ въ воду кидала. Бросать, да вытаскать. Топять, не топять, а *гальятса* (насмѣхаются), голо- риль мужикъ.

А переѣздъ черезъ Ангару среди плавающихъ льдинъ чего стоитъ! Но мы ко всему привыкли. Что описывать!

Привыкли мы и къ грязи, и къ пыли своихъ городовъ. Но вотъ какъ г. Исаевъ описываетъ первый сибирскій городъ, первый, въ- роятно, потому что въ немъ открытъ первый въ Сибири универси- тетъ: «Невыносимая пыль и непролазная грязь сбѣгаютъ другъ друга. Горе тому, кто имѣетъ расположеніе къ болѣзнямъ глазъ!» Томскъ въ жаркую пору на долго заставилъ его помнить о себѣ. При этомъ бросается въ глаза своеобразное представленіе Томска о требованіяхъ гигиены: «оздоровленіе города производится по- средствомъ поливанія навозомъ въ самыхъ широкихъ размѣ- рахъ». Вотъ-те и первый городъ! выдалъ! и по тѣлу асемунѣна- инаетъ пробѣгать дрожь. «Гдѣ вешная вода размоетъ берега рѣки, продолжаетъ путешественникъ, на сцену является навозъ. Навозъ выручаетъ и при выравниваніи *бууровъ* и *овраговъ*, которыми тоже изобилуетъ большинство улицъ. *Подъѣзды къ мостамъ дѣлаются изъ навоза*. Есть переулки и площади, въ которыхъ верхній слой на восемь, на десять вершковъ и болѣе состоитъ изъ навоза, частію перепрѣвшаго, частію свѣжаго. *Въ этомъ царствѣ пыли, грязи и навоза* участокъ земли, занимаемый университетомъ и принадле- жащими ему зданіями, является какимъ-то оазисомъ» *)!

«Царство пыли, грязи и навоза!» я не знаю сконфузентъ-ли то- мичъ, почувствуетъ-ли онъ что-либо, но я чувствую. Я чувствую тѣмъ глубже, что сознаю, что это правда. Я припоминаю родные города и деревни, берега и буераки, покрытые темножелтымъ пера- гномемъ, мѣстами даже съ выступающими бѣлыми пятнами селитры, которые бьются вездѣ, гдѣ скопляются человѣческія нечистоты «*Знаемилісь*» по просту говорятъ у насъ. Но если перевести это слово: «заражаемся и дохнемъ»—эффектъ будетъ другой. Пріѣзжій путешественникъ изумляется: то, что считается «*вошью*», «*грязью*» и «*моромъ*» въ другомъ мѣстѣ—у насъ украшеніе и привычная атмосфера. Уничтоженіе нечистотъ, созданіе стоковъ, канавъ, соору- женіе водопроводовъ составляютъ насущную потребность годнаго для жизни людей города. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ нечистотъ, съ устройствомъ ассенизаціи идетъ борьба съ смертною, и день ото дня вырываетъ у смерти большее число человѣческихъ жизней **). У насъ на оборотъ. Кто-то изъ гигиенистовъ сравнивалъ городъ, по- крытый нечистотами, съ кладбищемъ, заваленнымъ разлагающимися трупами. У насъ этого не знаютъ и первый университетскій городъ этого не чувствуетъ. Вездѣ навозъ—удобреніе; отъ него зависитъ плодородіе полей. У насъ, гдѣ уже раздаются вопли о неурожаяхъ, навозъ употребляется съ парфюмерными цѣлями, за то одеконтъ для питья ***).

Когда насъ уличаютъ во всемъ этомъ, я чувствую себя въ поле- женіи школьника, у котораго открываютъ и разорванную куртку, и отсутствие пуговицы, и запачканные рейтузы. Но я знаю, что школь- нику скажутъ: болванъ! и заставятъ переѣмнить куртку и рейтузы. Я же чувствую, что куртку не могу переѣмнить сейчасъ. Я чув- ствую себя виновнымъ, я теряюсь, мечусь и сучусь въ совершен- номъ отчаяніи. Подъ Парижемъ цѣлый подземный городъ, катакомбы, длинныя улицы съ канваами и стоками. Трубы огромною стѣю идутъ подъ землею. Нѣкоторыя рѣки, какъ Бievръ, были отведены, потому что въ нихъ стекали нечистоты съ кожевенныхъ заводовъ и красилень. Даже подъ русла рѣкъ погружены желѣзныя трубы, чтобы отдѣлить грязныя, сточныя воды. Улицы выложены асфаль- томъ, каменные мостовыя изъ плитняка могутъ быть вымыты, какъ наши полы, при помощи водопроводовъ. Я знаю, что для адоровья, а не для украшенія въ Европѣ разведены сады, скверы и пушены фонтаны. А у насъ, гдѣ такое обиліе чистыхъ водъ и гигантскіе рѣки, у насъ стоятъ въ городахъ только зацвѣтшія лужи и течетъ банная Ушайка!

*) «Русскія Вѣдомости» 1890 года № 213, корреспонденція изъ Томска.

***) Въ Парижѣ при Людовикѣ XIV умрало въ годъ 1 изъ 28 человѣкъ, теперь одинъ умершій приходится на 49 человѣкъ.

****) Одеконтъ на прійскяхъ и сбываемый въ Якутскую область вымѣни- ваютъ на мамонтову кость. Амбре и слоновая кость—о, Индія!

